УДК 130.122:8

DOI: 10.17223/22220836/35/3

М.А. Корниенко

ЛИНГВОФИЛОСОФСКАЯ ТРАДИЦИЯ ПОР-РОЯЛЯ

В статье рассматривается история монастыря Пор-Рояль как центра оппозиции учению иезуитов и метрополии янсенизма, ставшего цитаделью развития лингвофилософской рационалистической традиции. Рассмотрено возникновение нового подхода в грамматической науке. Показано, как произошел социокультурный переход от дескриптивизма в анализе языковых явлений к стадии объяснительной. Описаны предпосылки возникновения общей и рациональной грамматики Пор-Рояля (грамматики Доната (III–IV в. н.э.) и Присциана (первая половина VI в.), грамматики модистов, труды Ф. Санчеса, Т. Эрфуртского, П. де ла Раме).

Ключевые слова: Пор-Рояль, янсенизм, дескриптивизм, рациональность, картезианская лингвистика, универсальная грамматика, порождающая грамматика, модисты, общая и рациональная грамматика.

Дж. Бернал в монографическом исследовании «Наука в истории общества» (1956), характеризуя ранее христианство в Западной Европе, пишет о том, что мир средневекового христианства был достаточно ограничен: становой хребет этого мира проходил через Италию, восточную Францию до Англии, включая на востоке – Рейнскую область и Нидерланды, а на западе – Гасконию и Каталонию: «...именно на земле франков, самой Иль-де-Франс, центром которой был Париж, прежде всех расцвели экономические формы феодализма, архитектура и интеллектуальные достижения средневековой схоластики. Другой важный центр культуры – Италия, особенно Ломбардия и Тоскани – находился под слишком глубоким влиянием классического мира, чтобы сделать столь значительные вклады. Его очередь должна прийти в период позднего средневековья и Возрождения» [1. С. 171]. Зрелому средневековью (XII–XIV вв.) свойственны высокие стандарты образования, искусство и наука здесь входят в фазу расцвета, и это стало фундаментом для эпохи Возрождения.

К XII в. все более усиливается рост городов в северной Франции, Англии и Германии (к востоку от Рейна), что имело решающее значение: города породили класс буржуазии, впоследствии создавший капитализм. Развитие городов вызвало необходимость сосредоточения в них новой утилитарной науки.

В эпоху средневековья феодализм определял экономический фундамент общества, а церковь освящала его интеллектуальное и административное выражение. До XIII в. церковь обладала монополией на ученость и грамотность. Влияние церкви на научную жизнь было столь велико, что все научные и политические диспуты на протяжении нескольких веков велись с религиозных позиций эпохи. Начавшееся в X в. возрождение западного христианства потребовало создания нового интеллектуального ядра в среде духовенства. Так в Шартре и Реймсе возникли первые соборные школы. Их последующий рост привел в XII в. к появлению университетов.

Дж. Бернал отмечает, что из всех наследников первого великого расцвета эллинистической естественной науки лишь Западная Европа была в состоянии продвинуться вперед. Города и центры учености средневекового христианского мира концентрировались в Европе. Этому способствовали и два важнейших торговых пути по Рону и Рейну, проходившие по обе стороны Альпийского барьера.

Роль университета эпохи средневековья – это роль хранилища знания. Так возникли (практически одновременно) Болонский и Парижский университеты, в 1167 г. – Оксфордский филиал Парижского университета, в 1209 г. – Кембридж; в 1222 г. – университет Падуи, в 1224 г. – университет Неаполя, в 1227 – университет Саламанки и соответственно в 1347, 1364, 1367, 1410 гг. – университеты Праги, Кракова, Вены и Сент-Эндрюсе. Обучение в университетах велось в рамках определенного курса, включавшего в себя теологию, философию, а также семь свободных искусств (в «trivium» («троепутье») входили грамматика, риторика и логика, в то время как «quadrivium» («четверопутье») состоял из арифметики, геометрии, астрономии и музыки, лишь после этого начиналось изучение теологии и философии). Обучение шло на латыни, за исключением университетов Англии, где допускалось использование английского языка. Центром, осуществлявшим связь торгового капитала и новой науки Англии, был Грешем-колледж, основанный в 1579 г. по завещанию Т. Грешема, купца, финансового агента короны и основателя биржи, лекции здесь читались на английском и латыни.

Университеты являли собой центры учености и грамотности, деля эти функции с церковью и монастырями. У. Эко пишет о монастырском пространстве как о пространстве «живущих среди книг, в книгах, ради книг». Ранняя схоластика связана с городскими школами как центрами образованности, в то время как схоластика зрелая – с образованием, получаемым в университетах. Схоластика обеспечивала тот уровень (школу), не пройдя который, невозможно было заниматься теологией. Университет, ставший центром учености и интеллектуальной жизни Европы, явился учреждением по подготовке духовенства.

В целом же наследие средневековья по сути своей было экономическим, техническим и политическим; его интеллектуальная составляющая не может оцениваться как значительная. Схоластами были установлены принципы научного метода; Роберт Гроссетест сформулировал двойной метод разложения и составления (индукции и дедукции) за 500 лет до Ньютона, но в феодальной экономике рациональная наука не могла принести практическую выгоду. Наука рассматривалась лишь как источник материала для теологов, от нее требовалась «формальная аналогия опыта» (терминология Дж. Бернала [1. С. 195]), и наука, сведенная к учености и диспутам, это делала, не будучи подвергнута испытанию практической пользой.

В середине XX в. американским лингвистом Ноамом Хомским были созданы работы, на страницах которых нашли отражение концептуальные идеи трансформационной порождающей грамматики. Когда-то А. Уайтхед в «Науке в современном мире» писал о том, что интеллектуальная жизнь европейских народов последних столетий доказывает, что они жили за счет накопленного капитала, оставленного им гением семнадцатого века. Доказывают это и лингвистические работы Ноама Хомского. Делая предметом ис-

следования лингвофилософскую рационалистическую традицию XVII–XVIII вв. (обращаясь к работам Р. Декарта, Ж. де Кордемуа, Дж. Хэрриса, Р. Кедворта, В. фон Гумбольдта, братьев Шлегелей), Н. Хомский относит лингвофилософскую рационалистическую традицию XVII–XVIII вв. к числу незаслуженно забытых и выстраивает то отношение преемственности, что сформировано в течение трех последних столетий между лингвофилософскими концепциями прошлого и общезыковой теорией, сформировавшейся во второй половине XX в.

Зададимся вопросом о том, какими были социокультурные предпосылки и основания формирующейся в середине XVII в. лингвофилософской традиции?

Дж. Бернал характеризует эпоху средневековья как эпоху, в которую церковь имела (в лице священников и монахов) монополию на ученость и грамотность (феодалное управление осуществлялось церковью (Clerk (англ. ист.) – «духовное лицо» и в то же время клерк – «конторский служащий»)). «Эта монополия, – пишет Дж. Бернал, – должна была придать средневековой мысли какую-то степень единства, но в то же время серьезно ограничить ее размах. Ни греческая, ни мусульманская мысль не были столь ограничены одним классом людей» [1. С. 175]. И хотя под влиянием роста городов и растущего влияния королевской власти в течение двух последних веков средневековья шло ослабление церкви как организации, именно церковь определила специфику (в том числе и организационную) проявления научной мысли. Дж. Бернал пишет о диспутах в политике и науке – они велись только с позиций религиозного учения. Свой статус цитадели грамотности, учености и центров интеллектуальных исканий вплоть до XVII в. сохранили и монастыри.

Вторая половина XVII в. совпала с окончательной фазой становления новой науки, что было вызвано низвержением феодально-классических теорий. Цитаделями интенсивного централизованного роста науки являлись Англия и Франция – страны, в которых были образованы устойчивые правительства и в которых значительная роль крупной буржуазии была очевидной (Голландия была истощена и обескровлена торговыми войнами, – Христиан Гюйгенс огромную часть своих открытий сделал в Париже, являясь членом Французской академии; Германия и Австрия были обескровлены тридцатилетней войной (1618–1648 гг.), инквизиция нейтрализовала Испанию и Португалию). В тот период рост науки в Англии был обусловлен тем, что этому росту благоприятствовали, по меткому выражению Дж. Бернала, «время и место» [Там же. С. 245]. Что касается Франции, она была самой крупной и богатой страной Европы. Король сосредоточил в своих руках всю сферу исполнительной власти, государственная машина была целиком буржуазной, ее действиями руководили умные адвокаты, Noblesse de Robe (дворянство мантии); это был мир власти, давший миру науки, «веку сознательного построения цивилизации – Le Grand Siecle», многих ученых.

Глубоко поучительно то отношение к людям науки, которое сформировалось ко второй половине XVII в., «времени после» религиозных и политических потрясений века предшествующего. Интересы торговли и мореплавания, промышленности и сельского хозяйства являлись импульсом открытий, используемых в практических целях. На страницах «Науки в истории общества» Дж. Бернал пишет о «виртуозах XVII столетия» как о людях с незави-

симыми средствами (в отличие от придворных и университетских профессоров первых двух фаз развития научной революции это были купцы, средние землевладельцы, преуспевающие врачи, адвокаты, священники). На деньги короля, выделяемые науке, они не рассчитывали (Карл II не нашел времени посетить Королевское общество). Прибыль от торговли шла в страны с процветающей наукой. «Виртуозы XVII столетия» держали у себя на службе ученых: Р. Бойль держал в качестве помощника Р. Гука, сына бедного священника; Х. Гюйгенсу ассистировал Д. Папен из Блуа [1. С. 247].

«Виртуозы XVII столетия», компетентные и заинтересованные в открытиях – «плодах», растить которые призывал за несколько десятилетий до этого Ф. Бэкон, – задумывались об организации науки; наступало время идеи основания научных обществ. Эта идея не была новой. Она пронизывала ранее создаваемые организационные структуры – Академию, Ликей, Александрийский музей, ранние исламистские и христианские университеты; эта идея лежит и в основании нереализованного проекта «Пансофического колледжа» Яна Амоса Коменского (1592–1670). Первыми научными обществами стали Accademia de Lincai («Академия рысей» – «зорких, как рысь»), созданная в Риме (1600–1630 гг.), и Accademia del Cimento («Академия опытов»), созданная во Флоренции (1651–1667 гг.). Что касается Лондонского Королевского общества (1662 г.) и Французской Королевской академии наук (1666 г.), их созданию предшествовали неформальные собрания преданных идеям истины. Неофициальными центрами французской науки первой половины XVII в. были дом адвоката Пейреска в Экс-ан-Провансе (1620 г.), келья умершего в 1648 г. францисканского монаха Мерсенна, дом адвоката Монмора. Через эти цитадели науки велась переписка ученых Европы – от Галилея до Гоббса. Самому же процессу создания научных обществ предшествовали встречи членов «невидимой коллегии». Вот как описывает это время Т. Спрат, будущий епископ Рочестерский и историк общества, основанного в Оксфорде (в него входили Р. Бойль, У. Петти, К. Рен, Р. Гук), в «Истории Королевского общества» (1667 г.), ставшей манифестом организованной науки и программой экспериментальной философии: «Их встречи были настолько частыми, как позволяли их дела; заседания проходили скорее в действиях, чем в разговорах; они занимались... отдельными опытами; у них не было... установленного устава, ни метода; их целью было скорее сообщение друг другу своих открытий, чем объединенное, постоянное, систематическое исследование» (цит. по: [1. С. 249]).

По-разному проходило создание первых научных обществ, скажем, во Франции и Англии. Так, во Франции поддержка обозначенного процесса властью короля была очевидна и чрезвычайно сильна. Содержание Академии оплачивалось королевской властью; Кольбер создавал национальную промышленность, видел необходимость развития наук и покровительствовал этому развитию (за пышностью повседневной жизни королевского двора стояло процветание таких сфер промышленности, как шелкоткацкая (Лион), как сфера производства фарфора (Севр), наконец, как сфера ткачества гобеленов (Париж). В Англии эпоха Реставрации диктовала иные правила и условия – этим условием являлось покровительство короля, но исследования не финансировались королевской властью. В 1663 г. Р. Гук, занимаясь подготовкой устава Королевского общества, сформулировал его, общества, задачу как

«...совершенствование познаний о натуральных объектах, а также всех полезных искусств, мануфактур, механической практики, машин и изобретений» (цит. по: [1. С. 250]), предостерегая от интереса к богословию, метафизике, этике, политике, и, что для нас особенно важно, от интереса к логике, риторике, грамматике.

Однако в это время во Франции уже существовал Пор-Рояль, в стенах которого создавались учебники, одним из них была «Грамматика Пор-Рояля» (1660).

Почему, однако, цитаделью развития лингвофилософской рационалистической традиции стала деятельность кружка, возникшего в монастыре Пор-Рояля, – «Кружка Пор-Рояльских отцов»? Женский цистерцианский монастырь Пор-Рояль-де-Шан (фр. Port-Royal des-Champs) был основан в 1204 г. в долине Шейврэза в местности, именуемой Porrais. Монастырь имел цистерцианский устав. Пройдет четыре века, прежде чем в 1604 г. будет начата реформа, приведшая к росту числа монахинь. В 1625 г. Екатерина Марион, мать настоятельницы монастыря Марии-Анжелики Арно, купила и преподнесла в дар обители большое здание в Париже. Новая обитель и получила название Пор-Рояль парижский (Port-Royal de Paris). Благочестивая настоятельница монастыря Мария-Анжелика Арно благодаря уму и личным связям сумела привлечь к Пор-Роялю внимание высшего общества. Пор-Рояль был своего рода центром оппозиции учению иезуитов, а также метрополией янсенизма. Янсенизм – неортодоксальное течение французского и нидерландского католицизма (название происходит от имени теолога из Голландии Корнелия Янсения); в течении янсенизма выражена оппозиция иезуитам: истинно верующие противостоят тем, кто принял учение церкви формально.

При Людовике XIV янсенисты представляли во Франции церковную и политическую оппозицию, непосредственно связанную с Пор-Роялем. В 1687 г. в объяснение Нового Завета янсенистом Кенелем в Амстердаме была издана книга, преданная анафеме Климентом XI буллой «Unigenitus». Те, кто был противником папской буллы (во главе этой группы стоял архиепископ кардинал Нозль), требовали создания вселенского собора, но в 1719 г. оказались отлученными от церкви. И уже в 1720 г. булла имела статус государственного закона. Позднее, при Людовике XV и кардинале Флери, требовавшие созыва вселенского собора были подвержены репрессиям, начались гонения, начался массовый исход янсенистов в Нидерланды. В 1723 г. в Нидерландах была создана церковная община, названная «утрехтской церковью», примкнувшая к старокатоличеству. Основатель янсенизма Корнелий Янсений (его книга уже в 1642 г., четыре года спустя после смерти Янсения, была объявлена еретической) являлся поборником строго августиновского учения о благодати: спасение лишенного свободы воли человека целиком зависит от божественного промысла. Оппозиционность иезуитам определила то осуждение и репрессии, которым подвергались янсенисты со стороны католической церкви.

В 1634 г. в Пор-Рояле был создан кружок, в который вошли братья Арно, известный оратор Леметр де Саси, историк Тельмон. С Пор-Роялем были связаны Ж. Расин, Р. Декарт и близкий к янсенистам Б. Паскаль. С кружком «Пор-Рояльских отцов» связано создание ряда произведений, в их числе могут быть названы учебники, считавшиеся лучшими; Ж. Расин написал «Исто-

рию Пор-Рояля», Б. Паскаль, поселившись в Пор-Рояле, написал «Entretien avec M. Sacy», «Entretien sur Epictete et Montaigne» и «Lettres Provinciales» – последние, отражая полемику с иезуитами, считаются шедевром французской сатирической прозы (сблизившись с представителями янсенизма, с 1655 г. Б. Паскаль вел полумонашеский образ жизни). Грамматисты были аббатами, отнесенными к духовному сословию. Об интересной особенности лингвистической науки того времени пишет Н.Ю. Бокадорова: интенсивное развитие лингвистической науки требовало изменения отношения к догматам церкви, к пониманию сути Бога [2]. И многие аббаты той эпохи переходили на позиции деизма, пантеизма, подвергая критике «антропоморфизм» Библии. Каждый искал «своего Бога». Искали его и аббаты Пор-Рояля, и клерикальные деятели той далекой эпохи, пытаясь согласовать положения авторов, работавших в стенах Пор-Рояля, с категориями теологии. Так, аббат Фроман в текстах комментариев, созданных независимо от П. Дюкло, объясняет природу глагола, исходя из существа бытия Бога, настаивая на связи грамматических и богословских конструктов: в то время как бытие Бога является чистым актом, лишенным действия, бытие людей – и действие, и могущество. С Пор-Роялем и его кружком «отцов Пор-Рояля» был связан и Р. Декарт, в характеристике Дж. Бернала, первый, наряду с Ф. Бэконом, пророк нового века в науке – крайне замкнутый, одинокий, бывший кондотьер, сопротивлявшийся средневековой системе мышления, укорененной в университетах, и победивший в этой борьбе благодаря логике, «...более ясной и интеллектуально более неотразимой, чем логика схоластов» [1. С. 211].

В 1705 г. была обнародована папская булла *Un Vineam Domini*, осуждавшая янсенизм. Для монахинь Пор-Рояля подписание формулы согласия с буллой оказалось неприемлемым. Три года спустя, в 1709 г., парижским архиепископом был издан обвинительный декрет; по приказу короля 29 октября 1709 г. монастырь Пор-Рояль-де-Шан был закрыт и разрушен, монахини были разогнаны, надгробные памятники уничтожены. Парижский Пор-Рояль функционировал до 1790 г. Во время французской революции из него сделали тюрьму («Port-Libre»), а пять лет спустя – госпиталь. «Всеобщая и рациональная грамматика Пор-Рояля» вошла в историю науки как памятник рационалистической лингвофилософской традиции. В чем ее необыкновенная научная ценность?

Грамматика Пор-Рояля вышла первым изданием в Париже в 1660 г., знаменовав своим появлением изменение направленности развития лингвофилософской мысли Европы и возникновение нового подхода в грамматической науке. Авторы не были обозначены на титуле и обложке, там стояла лишь монограмма издателя Д.Т. (De Trigny). Кем были Антуан Арно и Клод Лансло? Антуан Арно (1612–1694) – богослов, принявший сторону янсенистов в их ожесточенной полемике с иезуитами, написал в 1643 г. «*Frequente Communion*», осужденную Сорбонной, автор «*Logique de Port-Royal*». А. Арно закончил жизнь в изгнании. Клод Лансло (1615–1695) – профессиональный лингвист, был автором грамматик, преподавал языки. К. Лансло одним из первых во Франции начал преподавать латынь с комментариями на французском языке. Авторы грамматики – известный логик, философ-янсенист Антуан Арно и грамматист Клод Лансло – использовали подход, в основание которого была положена интерпретация потенциала языка в дискурсе разума,

что и дало обозначение грамматики Пор-Рояля как «рациональной». Рациональность, полагали грамматисты Пор-Рояля, лежит в основании строения языка, является общим свойством всех языков – так возникло название этой небольшой по объему книги: «Грамматика общая и рациональная, содержащая основы и искусства речи, изложенные ясным и естественным образом, толкование общего в языках и главные различия между ними, а также многочисленные новые замечания о французском языке».

Время требовало подобных произведений, они нужны были университетам, которые готовили духовенство (грамматики являлись составной частью «троепутья» и «четверопутья»); крепили межгосударственные связи, требовавшие грамотных и знающих; интенсивно рос объем переводческой литературы. Одной из причин явилась и интеллектуальная атмосфера, сформировавшаяся благодаря необычайной популярности рационалистической философии Рене Декарта.

Спустя полвека, в XVIII в., и позднее, в начале XIX в., «Грамматика Пор-Рояля» сыграла роль образца в проведении процедур описания как европейских, так и неевропейских языков, получив в истории лингвистической науки статус философской и логиколингвистической работы, как и статус выдающегося текста лингвофилологического наследия. Ноам Хомский отнес Грамматику А. Арно и Кл. Лансло к картезианской лингвистике, а между тем многое в ней было привнесением из ранее созданного. Безусловен тот факт, что, являясь исследователями мирового уровня, А. Арно и Кл. Лансло были знакомы с трудами испанского автора Ф. Санчеса, содержащими отдельные «картезианские» идеи, как были знакомы и с позднеантичными латинскими грамматиками Доната (III–IV в. н.э.) и грамматикой ранневизантийской эпохи Присциана (первая половина VI в.).

XII–XIII вв. ознаменовались для Западной Европы возникновением ряда грамматик, называемых в литературе философскими (их глубокий анализ дан в работах В.М. Алпатова [3, 4]). Авторы этих грамматик предприняли попытку отойти от принципов дескриптивизма. Так, практически в течение века (начало XIII – начало XIV в.) своими трудами заявили о себе модисты, в частности, в начале XIV в. вышла работа Томаса Эрфуртского, отразившая интерес к свойствам языковых явлений, к отношениям языка и мира, языка и мышления, к той связи, которая присуща категориям грамматики и универсума вещей. Синтаксис также стал предметом исследовательского интереса для школы модистов (категориальная система синтаксиса была сформирована Пьером де ла Раме (Рамусом)). Эпоха европейской схоластики оказалась временем появления философских, «спекулятивных» грамматик.

Одним из тезисов лингвофилософских концепций является тезис о том, что доминирующей функцией языка является способность языка быть выражением мысли, что природа языка соотнесена с мышлением, и именно это определяет такую функцию языка, как функция коммуникативная: «...говорить – значит выражать свои мысли знаками, которые люди изобрели для этой цели» [5. С. 19], назначение общей грамматики было увидено в исследовании способов выражения мысли исходя из универсальных законов логики. Эту мысль, принадлежащую А. Арно, Кл. Лансло, Н. Бозе и Душе, можно позднее обнаружить в работах В. фон Гумбольдта, который писал о направленности языка на выполнение определенной цели. Этой целью является выра-

жение мысли [6. С. 72–73]. Логические формы мышления универсальны по своей природе, столь же универсальны глубинные структуры языка.

Отметим немаловажную деталь, заключенную в том, что предпосылки лингвофилософской концепции Пор-Рояля невозможно усматривать лишь в картезианстве. Роль этих предпосылок сыграли и рационалистические схемы, на которых строились спекулятивные грамматики средневековья; в числе этих грамматик особое место занимают грамматики модистов. Именно с исканиями модистов исследователи связывают основные достижения средневековья в области изучения языка. Представители модистского направления названы так в связи с использованием модистами понятия *modus significandi* («способ обозначения»); грамматику модистов принято считать первой теорией языка в европейской научной традиции. Средневековые ученые различают существенные черты языков и черты, имеющие случайный характер. К случайным относится звуковое строение. Ученые данного периода считали, что языки обладают чисто внешним различием, но схожи по своей глубинной структуре и внутреннему строению, т.е. языки обладают единой универсальной логической основой. Главным объектом исследований модистов являлось грамматическое строение, которое считалось общим для всех языков.

Общие свойства определяются модистами в качестве модусов существования (*modi essendi*), и именно от них происходят модусы обозначения (*modi significandi*). Существует модус состояния (*inodus habitus*), обозначаемый как модус устойчивого положения. Модус обозначения, связанный с данным модусом существования, характеризуется как имя. Часть явлений обладает модусом становления (*modus fieri*), модус обозначения, связанный с данным модусом существования, характеризуется как глагол.

В течение двух последующих веков, вплоть до XVI в., теория языка не имела существенного развития. Ситуацию изменили открытия Пьера де ла Раме и Ф. Санчеса. Пьер де ла Раме создал понятийный аппарат и терминологию синтаксиса, что было подготовлено модистами как творцами первой, по мнению И. Пинборга и Р.-Х. Робинса, в европейской научной традиции теории синтаксиса. Ф. Санчес вошел в историю лингвистической философии как создатель написанной на латыни теоретической грамматики, что было сделано с использованием материала нескольких языков и явилось шагом к созданию в перспективе универсальной грамматики. Известно, что созданная позднее «Грамматика Пор-Рояля» отразила часть идей Ф. Санчеса.

В каждом явлении грамматики Присциана модисты усматривали философский смысл. У грамматистов Пор-Рояля подобное явление отсутствовало из-за существенно расширенной эмпирической базы (в то время как модисты рассматривали лишь латынь, грамматисты Пор-Рояля обращались к французскому, испанскому, итальянскому, древнегреческому и древнееврейскому языкам и языкам германских народов). В сравнении с модистами авторы грамматики Пор-Рояля различали формальную и семантическую структуры. Используя как основу поверхностные явления французского языка, грамматисты переходят к описанию их семантической составляющей. Предметом анализа для авторов была и синонимия языка, хотя известно, что это явление изучалось и во времена античности (эллипсис). Конечно, А. Арно и Кл. Лансло не имели полного представления о том, как возникает рациональ-

ная основа грамматики. Однако идея единой основы человеческих языков представляла важный этап в развитии лингвофилософской традиции.

В целом же к XVII в. теория языка обрела два пути развития – дедуктивный и индуктивный. В пределах дедуктивного направления исследовалась возможность создания искусственных языков, в пределах же направления индуктивного предметом исследования становились обобщенные свойства реальных языков. Наглядным образцом индуктивного подхода и служит «Грамматика Пор-Рояля», созданная Антуаном Арно и Клодом Лансло. Пережившая множество переизданий, она вошла в историю европейской лингвофилософской культуры под названием, отличным от оригинального, – «Грамматика общая и рациональная». Ее авторы пытались отойти от дескриптивного и нормативного подходов и отдали предпочтение подходу объяснительному. А. Арно объяснял этот выбор поиском пути «разумных объяснений многих явлений, либо общих для всех языков, либо присущих лишь некоторым из них» [7]. Ценность «Грамматики Пор-Рояля» заключалась в попытке объяснить явления языка, сделав главной идеей идею существования логической основы, общей для всех языков. Сама по себе эта идея была не нова, версии ее интерпретации встречаются, как было отмечено, в учении модистов.

Издание «Всеобщей и рациональной грамматики» во Франции имело богатую традицию, идеи «всеобщих философских грамматик» (так их обозначали в XIX в.) входили в практическую жизнь посредством усилий грамматистов Франции, посредством создания комментариев к «Грамматике», начиная с середины XVIII в. Чем это было обусловлено? Н.Ю. Бокадорова видит предпосылку в том, что к середине XVIII в. сферы науки и искусства размежевались [2]. И именно в «Грамматике Пор-Рояля» была определена предметная сфера общей грамматики как основанной на разуме и рациональной грамматике с применением логики. И хотя дополненными изданиями «Грамматики» были те, что выходили начиная с 1676 г., лишь позднее «Грамматика» вышла с полными комментариями. Их создали королевский историограф П. Дюкло и каноник собора Нотр-Дам аббат Фроман (его комментарий более поздний).

Комментарии уже в XVIII и XIX вв. определяли характерную особенность научного знания (так, вся эпоха средних веков связана с комментированием, к примеру, таких работ Аристотеля, как «Физика», «О небе», «Метеорология», «О возникновении и уничтожении», «Категории»). Комментарии обретали статус инструмента научного анализа, подчас меняли уже сформировавшееся истолкование научных работ.

Преподавание в средневековых университетах в начале XIII в. также проходило с использованием формы комментариев, поскольку основу содержания занятий определяли канонические книги; строго нормированное содержание допускало толкование, систематизацию и способ аргументации – так определяет специфику преподавания в средневековом университете и роль метода комментариев в изложении материала дисциплины историк культуры Ф. Паульсен (8. С. 25–26).

Наиболее известным стало парижское издание 1846 г. (издание А. Байи), дополненное «Логикой Пор-Рояля», той ее частью, в которой содержится логика предложений, и комментариями П. Дюкло и Фромана. Комментарии

П. Дюкло и Фромана строились исходя из академических нормативов грамматического описания, существовавших в середине XVIII в.

С течением времени «Грамматика Пор-Рояля» превратилась в библиографическую редкость. К середине XVIII в. эту книгу все сложнее стало находить в библиотеках. Данный период, прежде всего, связан с расцветом традиций «общей и рациональной грамматики». Увидели свет работы таких грамматиков, как дю Марсэ, Жирар, д'Оливе. Но именно «Грамматика Пор-Рояля» определила предмет общей грамматики в качестве предмета рациональной грамматики, в основе которой лежат законы логики.

Можно ли говорить о лингвофилософской исследовательской программе Пор-Рояля? П.П. Гайденок в монографическом исследовании «Эволюция понятия науки. Становление и развитие первых научных программ» пишет о том, что в эпоху античности элеатами подготовлена почва для создания исследовательских программ: парадоксы Зенона явились тем, что привело к исследованию понятий единицы, числа, пространства, времени, движения, прерывности и непрерывности, неделимого и делимости [8. С. 451].

Попытки решить парадоксы Зенона способствовали формированию таких исследовательских программ, как программы атомизма Демокрита, математизма позднейших пифагорейцев и Платона и континуализма Аристотеля. Средневековье не создало новых исследовательских программ, однако обозначенным исследовательским программам атомизма, континуалистской и математической, средневековая наука стремилась дать новое толкование. Можно ли считать созданное в Пор-Рояле исследовательской лингвофилософской программой? Утвердительно отвечая на этот вопрос, будем исходить из интерпретации исследовательской программы как феномена, в основании которого лежат отличающийся новизной подход (понимаемый как методология, доведенная до высокого уровня обобщения), новый способ анализа фактов, особый стиль научного мышления (как принятый в науке способ рассуждений и доказательств). Именно перечисленное способствует созданию модели анализа феномена и именуется исследовательской программой. И именно в силу этого созданное в стенах Пор-Рояля, на наш взгляд, можно характеризовать как зарождение новой исследовательской программы – время диктовало необходимость перехода к проблематике лингвофилософского уровня. И одним из факторов, демонстрирующим то обстоятельство, что этот переход в теории языка стал в XVII в. реальностью, явилась «Грамматика», созданная в стенах Пор-Рояля. Анализ проделанного в лингвистической философии в последующий период доказывает: результаты, полученные лингвистической философией последующих столетий, действительно обусловлены интеллектуальным капиталом, созданным гениями XVII в.

Литература

1. Бернал Дж. Наука в истории общества. М. : Изд-во иност. лит., 1956. 735 с.
2. Бокадорова Н.Ю. Французская лингвистическая традиция XVIII – начала XIX века. М., 1987. 152 с.
3. Алпатов В.М. История лингвистических учений. М. : Языки русской культуры, 1998. 368 с.
4. Алпатов В.М. «Грамматика Пор-Рояля» и современная лингвистика (К выходу в свет русских изданий) // Вопросы языкознания. 1992. № 2. С. 57–68.

5. Арно А., Лансло К. Всеобщая и рациональная грамматика (Грамматика Пор-Рояля). Л. : Изд-во ЛГУ, 1991. 126 с.

6. Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1984. 400 с.

7. Арно А., Николь П. Пор-Рояль. Логика, или Искусство мыслить. М. : Наука, 1991. 415 с.

8. Гайденко П.П. Эволюция понятия науки. Становление и развитие первых научных программ. М. : Наука, 1980. 566 с.

Michael A. Kornienko, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: mkornienko1@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2019, 35, p. 29–40.

DOI: 10.17223/22220836/35/3

PORT-ROYAL'S LINGO-PHILOSOPHICAL TRADITION

Keywords: Port-Royal; Jansenism; descriptivism; rationality; Cartesian linguistics; universal grammar; generative grammar; modists; general and rational grammar.

The article outlines the idea of the role of the activity of the “Port-Royal Fathers Circle” (J.Rasin, R.Descartes, B.Pascal, A.Arnauld, C.Lancelot), a circle that originated in the Port-Royal women's Cistercian monastery (Port-Royal des Champs), the center of opposition to the teachings of the Jesuits, the metropolis of Jansenism and the stronghold of the development of the linguophilosophical rationalist tradition. The role of universities and monasteries as centers of scholarship and literacy is revealed, the socio-cultural background of this phenomenon is analyzed. The monastic space is characterized as the space “living among books, in books, for the sake of books” (U. Eco).

Analyzing the peculiarities of the linguophilosophical rationalistic tradition of the XVII–XVIII centuries (R. Descartes, J. de Cordemoy, J. Harris, R.Cudworth, Schlegel brothers), the author builds the logic of the relationship between the continuity of this tradition and the general linguistic theory formed in the second half of the 20th century.

The specificity of the process of formation of research centers in England and France is indicated. The peculiarity of the development of linguistic science during the creation of the linguophilosophical rationalistic tradition is shown: this development required a change in attitude towards church dogma, coordination of the provisions of linguistic science with the dogma of theology, the connection of grammatical and theological constructs.

The specificity of the chosen A. Arnauld and C. Lancelot approach is revealed: the potential of the language was interpreted in the discourse of mind, which became the condition for the designation of the grammar of A.Arnauld and C. Lancelot as rationalistic. The sociocultural prerequisites for the transition of linguistic science from the descriptive and normative to the explanatory level are indicated. And although, as shown in the article, the Port-Royal Grammar is related to Cartesian linguistics, much of its specificity is defined earlier (Donatus and Priscianus grammars, works by Thomas von Erfurt and modists in general, works by Francisco Sanches and Pierre de la Ramée).

It is shown that the theory of language in the XVII century has found two ways of development – deductive and inductive. Grammar by A. Arnauld and C. Lancelot became a model of the inductive approach.

In the final part of the article, the author asks whether it is possible to consider the linguistic and philosophical research program created within the walls of Port Royal as similar to the atomic programs of Democritus, the mathematics of the Pythagoreans and Plato, the continuum of Aristotle. The author gives a positive answer to this question, interpreting the research program as a phenomenon, which is based on a novelty approach, a new way of analyzing facts, and a special style of scientific thinking. Taken together, this meant a transition to the problems of the linguistic and philosophical level.

References

1. Bernal, J. (1956) *Nauka v istorii obshchestva* [Science in history]. Translated from English by N. Makarova, E. Panfilova. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury.
2. Bokadorova, N.Yu. (1987) *Frantsuzskaya lingvisticheskaya traditsiya XVIII – nachala XIX veka* [French linguistic tradition of the 18th – early 19th centuries]. Moscow: USSR AS.
3. Alpatov, V.M. (1998) *Istoriya lingvisticheskikh ucheniy* [History of Linguistic Teachings]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

4. Alpatov, V.M. (1992) "Grammatika Por-Royalya" i sovremennaya lingvistika (K vykhodu v svet russkikh izdaniy) ["Por Royal Grammar" and modern linguistics (toward the publication of Russian publications)]. *Voprosy yazykoznaniya*. 2. pp. 57–68.

5. Arnauld, A. & Lancelot, K. (1991) *Vseobshchaya i ratsional'naya Grammatika (Grammatika Por-Royalya)* [General and Rational Grammar: The Port-Royal Grammar]. Translated from French. Leningrad: Leningrad State University.

6. Humboldt, W. fon (1984) *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu* [Selected Works on Linguistics]. Translated from German. Moscow: Progress.

7. Arnauld, A. & Nicole, P. (1991) *Por-Royal'. Logika ili Iskusstvo myslit'* [Logic, Or, the Art of Thinking]. Moscow: Nauka.

8. Gaydenko, P.P. (1980) *Evolutsiya ponyatiya nauki. Stanovlenie i razvitie pervykh nauchnykh programm* [The evolution of the concept of science. The formation and development of the first scientific programs]. Moscow: Nauka.